

ВЕЧЕРНИЙ СВЕРДЛОВСК

ИЗМЕРЕНИЕ ТЯЖЕСТИ

НА ЛАДОНИ невысокой, подвижной и чуть усталой женщины лежит орден. Несколько граммов металла. Это — если взвесить на обыкновенных весах... Но есть и другие веса, есть другие единицы измерения тяжести и легкости...

Судьба этой женщины, на первый взгляд, избилует удачами и гладкостью. Как и многие саратовские девочки, Лена мечтала о сцене, задыхаясь, аплодировала любимым актерам, задыхаясь, пришла первый раз в школьный драмкружок, едва не плакала от счастья, удостоившись похвалы руководителя кружка, которая назначила нетерпеливую восьмиклассницу на роль Нины в пермском «Маскараде». Не больше, не меньше. Потом была Лиза в «Горе от ума», Огудалова в «Бесприданнице»...

Потом, после девятого класса, — приглашение в студию театра имени Карла Маркса. Невозможно было отказаться от этого предложения. Но на семейном совете решили: учиться надо в Москве, в вузе.

И было то памятное московское лето — с его надеждами, растерянностью, нетерпением и метаниями. На вступительном экзамене в ГИТИСе она читала монолог из «Белых ночей» Достоевского. Первый тур «проскочила». Но на втором туре будет слушать сам Тарханов. «Тарханову и читай, прямо ему!» — учили ее вертящиеся тут же студенты...

...Вот и эта решающая минута. Тарханов тянется за сигаретой, разминает ее, шуршит спичками. Лена, не отрываясь, смотрит на великого артиста и думает только об одном: «Неужели вы меня отправите, неужели не примете! Я так хочу учиться, я так хочу...». С этой мыслью и начала монолог. Дошла до слов: «Только

вы меня не перебивайте, а то я непременно собьюсь...» — и увидела, как Тарханов удивленно отложил сигарету в сторону, так и не прикурив... И так получилось, что в нужном месте она расплакалась и с еще не высохшими слезами закончила монолог. Потом услышала: «Спасибо»... «А басноу?» — спросила она. «Не надо»... Потом ей передали не без зависти: «Тарханов сказал: «Ну, эту плаксу мы возьмем»...»

А на втором курсе Лена перешла в Щукинское училище при театре им. Вахтангова. Здесь она раскрылась еще более полно. Сыграла Керубино в «Женитьбе Фигаро», Варвару в «Грозе», Сашу в «Живом труп». Окончила вуз с отличием и была принята в труппу Московского театра сатиры...

...В зрительном зале тишина нарушается лишь каким-то щелканьем... Станный звук...

Впрочем, он отвлекает лишь на мгновение, потому что все внимание сидящих в зале сосредоточено на пожилой молодящейся женщине, той, что на сцене. Она комична и щемяще трогательна, шумлива и скорбно тиха... Она такая разная, такая непростая и такая понятная, близкая. В Свердловском драматическом театре идет спектакль «Игра с кошкой». В главной роли героиня этого омерка.

...Опять этот щелкающий звук в зале!... Я слышал его и раньше. И не единожды. Да вот хотя бы на «Безымянной звезде»... Там она играла мадмуазель Куку. Престарелую, нелепую, с высушенной, вяленой душой — мадмуазель... Высушенную? Нет, так казалось лишь поначалу. Потом пришел момент, и на глазах этой грозы гимназисток появились слезы, живой печалью и горечью рожденные... И сразу стало ясно, что нет, это не

просто «синий чулок», а живой, сложный человек, с тайными устремлениями, которые так долго, на протяжении целой жизни, может быть, им же самим, этим человеком, подавлялись...

Однажды в антракте в фойе я слышал, как зритель, по виду явный театрал, говоря об этой актрисе, заметил: «Да. Мастерски работает. Вахтанговская школа».

Школа и мастерство. Далеко не сразу становятся они двумя частями целого. Школа должна утвердиться, а мастерство должно прийти. А потом еще их единение должно быть организовано гражданской и творческой позицией актера.

И к ней все это пришло не сразу и далеко не так гладко, как может показаться при взгляде на ее репертуарный лист. А в листе этом — уже более девяносто сыгранных на профессиональной сцене

ролей. И это — за четверть века.

Не сразу пришла удача в театре Сатиры. Были маленькие рольки, эпизодики. Незначительные вовсе. Но она работала, искала, и ее заметили. А когда поверили настолько, что дали роль Сюзанны в «Милом друге» Мопассана (иг-

нальном деле), Люция в «Филумене Мартурано», Лиза в «Крыльях»...

На московских гастролях в 1956 г. (спустя три года после ее приезда в Свердловск) она была занята в шести спектаклях. Она играла... Впрочем, нетрудно догадаться, как она играла, если после гастролей ей, недавно окончившей институт, было присвоено звание заслуженной артистки РСФСР!

С тех пор успех на сцене не оставлял ее. Я немало времени потратил, чтобы определить истоки, секрет этого успеха. Частично она сама ответила на этот вопрос, когда заявила: «Я не столько верю в талант, сколько в работу». Она работает постоянно. Повсюду.

Есть актеры, которые умеют отдыхать. Даже на сцене. В паузах между своими сценами. Умеют на какое-то время даже в период спектакля отключаться от него...

Эта актриса, кажется, никогда не отдыхает. У нее есть счастливое свойство характера — неутомимость, исключительная энергия, которую она тратит на то, что другой с легкостью отнесет к разряду мелочей, пустяков. Так на сцене, так вне ее...

Неоднократный член местного комитета, даже заместитель председателя местного, член ревизионной комиссии отделения ВТО, член свердловского отделения Комитета защиты мира, с недавнего времени — депутат райсовета Ленинского района. Коммунист.

Конечно же, она устает. Но испытывает удовлетворение, если чувствует, как после спектакля ее «ноги не несут».

...В этот вечер мы еще долго будем беседовать. Но сначала она досмотрит хоккейный матч — это, пожалуй, ее единственное хобби. Но какое!

Было еще одно хобби — певичие птички. Долгое время даже чижа Тишку возила с собой на гастролы. Теперь дома — старенькие родители, им нужна тишина.

...В этот вечер она скажет, что из всех театральных звуков больше всего любит щелканье дамских сумочек в зале (так вот что это был за звук, так раздражавший меня!). Почему же? — спрашиваю я. «Да потому, что это означает — женщины полезли за платками, слезы на глазах»... А вообще-то, она больше любит, когда в зале смеются. И вообще она любит театр. Больше всего на свете... Особенно, когда после спектакля «ноги не несут»...

...На ладони Елены Сергеевны Захаровой — орден Трудового Красного Знамени. Несколько граммов серебра и эмали. Это если взвесить его на обыкновенных весах. Но есть и другие веса, веса Времени, Долга гражданственности и творчества. Если положить орден актрисы Захаровой на эти веса, я, кажется, знаю, что нужно положить на другую чашу (этих весов), чтобы наступило равновесие: долгие годы, дни, часы непрерывной работы — на репетиционной площадке, дома, на улице, в автомобиле, наконец, — на сцене; энергию кропотливого, порой изнуряющего поиска единственно нужных интонаций, движения, настроения, мотива, оценки, и — усталость; и еще — непреходящую тревожную, праздничную и нетерпеливую устремленность к новой, следующей работе, которая, конечно же, должна быть еще точнее, еще глубже, еще заразительнее. Еще лучше.

Н. СЕРГЕЕВ.

На снимке: Е. С. ЗАХАРОВА.

Фото В. Долганина.